

Новые Известия - 2001 - 26 мая - с. 7.

Возвращение к Интернационалу

В каннской программе «Двухнедельник режиссеров» состоялась премьера фильма Артура Аристакисяна «Место на земле», а начавшийся в Москве форум кинематографий стран СНГ и Балтии открылся картиной Сергея Бодрова-младшего «Сестры».

Виктор МАТИЗЕН,
«Новые Известия»

Все люди братья, но некоторые сестры

Мысленно пробежав напрашивающиеся каламбуры типа «брат родил сестер», следует сказать, что дебютант усвоил уроки тех, с кем ему пришлось работать в качестве актера-типажа, то есть Сергея Бодрова-старшего, Алексея Балабанова и продюсера Сергея Сельянова. Картина совмещает road movie (кино о путешествии) с chase movie (кино о погоне): за двумя девочками (единоутробными сестрами) охотятся кредиторы отца младшей из них, чтобы взять в качестве заложниц на тот случай, если папа вздумает уклониться от выплаты долга. «Сестры» приятно удивляют полным отсутствием авторских заморочек, столь характерных для отечественных режиссеров, которым хочется самовыразиться даже тогда, когда они нацелены на кассу — как если бы натуральный налетчик, нацелив на кассира пистолет, прочел бы ему монолог про фею Маб. Бодровско-сельяновское произведение относится к зарождающемуся типу «русского коммерческого фильма», единственная задача которого — поиграть на чувствах аудитории: чуть припугнуть, немного рассмешить и слегка расплатать зрителя. Бандиты во главе с Кириллом Пироговым (боевым другом главного героя — в «Брате-2») нагоняют саспенс, не слишком многочисленные шутки и гэги позволяют расслабиться, а Катя Горина, и особенно Оксана Акиньшина, в пределах отпущенных им по сценарию довольно скромных возможностей делают все необходимое, чтобы на респичи доверчивого зрителя (и даже благодушного критика) порой наворачивалась слеза. Вполне уместен и сам режиссер в эпизодической роли доброго, хоть и «нового русского» (привет от заматеревшего Даниила Багрова?), а уж появление Александра Баширова способно растопить и ледяное сердце. Все как положено — в начале фильма сестры одна другой чужие, в конце — родные. Весьма выразительная в фильмах самого Сельянова «Духов день» и «Время печали еще не пришло» тема мужского родства и братства, своеобразно преломившаяся в «Брате» и «Брате-2», здесь перетекает на женскую половину человечества. Забавны также побочные акценты фильма, в которых проявляются социально-национально-этические установки авторов: цыгане изображены неоднозначно, сразу с симпатией (пригревают девочек) и антипатией (гонят на работу и сдают милиции), бандиты без околичностей называются бандитами, но имеют право любить своих детей, а дагестанцы, хоть тоже «лица кавказской национальности», отделяются от чеченцев. Еще бы только понять, что дагестанец — такая же абстракция, как кавказец, поскольку есть аварцы, лезгины, кумыки, лакцы, даргинцы и другие, не менее интересные народы. Более того, сближение старшей девочки (которую отделяет от сестры ее отец-дагестанец, раз, и бандит, два) с младшей означает торжество родственного притяжения над социальным и национальным отталкиванием. Откуда один шаг до возвращения к идее «интер-



Оксана Акиньшиной 13 лет. Учится в модельном агентстве, любит Ди Каприо и советские комедии. Восьмилетняя Катя Горина предпочитает называть себя Ритой и в свободное время пишет романы про собак.

национала хороших людей», позаимствованного бабелевским стариком Гедали у Льва Николаевича Толстого.

Обними ближнего своего, как бы давно он ни мылся

Артур Аристакисян прославился «Ладонями», документальной лентой о кишиневских нищих, собравшей урожай призов на международных фестивалях. «Место не земле» — его первый игровой фильм. Картину придется пересказать, ибо в силу специфического содержания увидеть ее на наших экранах будет практически невозможно. Повествует она о жизни некой коммуны в расселенном для реконструкции доме на Садовой, причем хиппового вида «коммунаров» изображают хиппи и прочие «системные» и «несистемные» маргиналы. Изображение сопровождается несинхронно записанными словами, в которых персонажи полностью разъясняют свою идеологию и свои намерения. Главных действующих лиц трое: бомжиха Мария с больными ногами, заматанными в тряпки, которая прослышала о том, что есть такое место, где все любят всех, в том числе и убогих; харизматический и в то же время закомплексованный лидер коммуны, пытающийся воплотить этот квазихристианский (поскольку всеобщая любовь означает для него совокупление всех со всеми) идеал в жизнь; и наконец, юный адепт вероучения, оборванец с казахскими чертами лица. Конфликт, естественно, состоит в столкновении идеала с неизжитой биологической (или социальной) природой человека — во-первых, самому вожжаю одна из самок «любое» прочих, да и она в свою очередь предпочитает принадлежать ему одному, а не всем сразу. Тем не менее он настаивает на принципах, вследствие чего она уходит из коммуны, а он себя оскотляет в напрасной надежде на то, что товарищи в последний момент его удержат. В символическом смысле этот акт вполне логичен — если половая любовь помеха братской, то горе половым органам. Юный же адепт, как ему и положено, осуществляет идеал прямо на улице, страстно обнимаясь с первой подвер-

нувшейся нищенкой, — и сцена эта производит впечатление дикого сочетания ситуационной фальши с невероятной искренностью исполнителей. Концепт фильма двойственен или, как нынче говорят, амбивалентен — после того как коммуна разгоняет грубый ОМОН, лидер где-то за кадром превращается в обывателя, но его идеи продолжают жить в отдельных последователях.

Чем дальше, тем более очевидно, что демонстрируемое нам микросообщество должно иметь скрытый за кадром источник существования. После беседы с постановщиком все встало на свои места — он сам же и содержал (на деньги Госкино или на гонорары с «Ладоней», я не уточнил) группу, которую снимал, и фактически выступал в роли ее закадрового духовного лидера — а харизматичность Аристакисяна, несмотря на вид божьего одуванчика, очевидна после минуты разговора с ним. «Если бы этот фильм был документальным, цены бы ему не было», — оборонил кто-то из критиков, имея в виду постановочность основных сцен. В любом случае такого кино еще не было, и канские зрители это оценили уже тем, что высидели двухчасовую картину до конца.

Единство противоположностей

Полярность сугубо коммерческого проекта Бодрова и сугубо авторского проекта Аристакисяна бросается в глаза. Первый катится по наезженной колее жанра, второй через препятствия движется неведомо куда. Смотреть Бодрова так же легко и приятно, как, говоря словами горьковского Власа, пить холодный морс в жаркий день. Смотреть Аристакисяна мучительно трудно. Один фильм после просмотра испаряется, как сон в летнюю ночь, другой вопреки всему цепляет и продолжает действовать. Один пройдет в кинотеатрах, выйдет на видео и принесет своим создателям кровные зрительские рубли. Для второго места найдется только на фестивалях — чтобы посмотреть его в прокате, никто не выложит ни рубля, ни цента. Крайности сходятся лишь в том, что люди — братья и сестры и всем есть место на земле.